

ЕСЛИ ГРИБ «ПОДРУЖИТЬ»
С БАКТЕРИЕЙ...

Популярный детский
и юношеский журнал
Выходит один раз
в месяц
Издается с сентября
1956 года

НАУКА ТЕХНИКА ФАНТАСТИКА САМОДЕЛКИ

Допущено Министерством образования и науки Российской Федерации
к использованию в учебно-воспитательном процессе
различных образовательных учреждений

№ 2 февраль 2019

В НОМЕРЕ:

Академик Садовничий	2
ИНФОРМАЦИЯ	10
Неделя без турникетов	12
Путешествие в глубь Марса	14
Аэлиту нам не встретить...	20
«Тарелка» мистера Роя	26
Грибной... генератор?	32
Что такое ТАЭС?	35
У СОРОКИ НА ХВОСТЕ	38
Ускорители эволюции	40
ВЕСТИ С ПЯТИ МАТЕРИКОВ	44
Супермакс. Фантастический рассказ	46
ПАТЕНТНОЕ БЮРО	54
Цифровая камера Zenit M	60
КОЛЛЕКЦИЯ «ЮТ»	63
Съемка техники	65
Ультразвуковая левитация, или	
Невесомость на столе	70
ЗАОЧНАЯ ШКОЛА РАДИОЭЛЕКТРОНИКИ	74
ПЕРВАЯ ОБЛОЖКА	

Предлагаем отметить качество материалов, а также первой обложки по пятибалльной системе. А чтобы мы знали ваш возраст, сделайте пометку в соответствующей графе

до 12 лет
12 — 14 лет
больше 14 лет

АКАДЕМИК САДОВНИЧИЙ

Сегодня В. А. Садовничий — академик, ректор МГУ имени М. В. Ломоносова, лауреат множества премий и наград, член доброго десятка отечественных и зарубежных обществ... Но тому предшествовал непростой путь. Вот рассказ Виктора Антоновича.

Родился я в 1939 году в деревенской глубинке, в коммуне в Лозовском районе Харьковской области. И сейчас я, по сути, единственный коммунары.

Село Краснопавловка возникло в середине XIX века при строительстве Курско-Азовской железной дороги. Построили станцию, а рядом с ней появилось и небольшое село в степи, всего несколько домов.

Мои родители — Антон Григорьевич и Анна Матвеевна — пережили страшный голод начала 1930-х годов, эпицентром которого была Харьковская область. Чтобы выжить, люди объединялись в коммуну, своего рода предшественницу колхозов, где все было общее — еда, работа, заботы. Жили вместе с другими семьями в бараке, который назывался Домом коммунары. Это была развалина такая, курятник, его долго не сносили. Потом, уже когда я стал ректором МГУ, показывал знакомым этот барак, где я родился.

Родители у меня из простых: ни папа, ни мама не умели писать. Мама Анна Матвеевна — из многодетной семьи, из села Кривой Рог Болховского района Орловской области. На Украину она приехала в трудные 1930-е годы, спасаясь от голода. Хочу вспомнить ее отца, моего деда Матвея. Зимой он ездил на приработки на шахту на Донбасс. А летом возвращался, что-то делал в Болхове и был известен во всей Орловской области: был заседателем или старостой. Я вот как-то ездил в те места, так его до сих пор помнят, моего деда, хотя он был простым крестьянином, у которого было 11 детей.

Ректор МГУ им. М. В. Ломоносова
академик В. А. Садовничий.

Папа Антон Григорьевич — тоже из многодетной семьи. Родом он из тех же краев, где я родился, появился на свет в 12 километрах от Краснопавловки. Но, как я выяснил, род его был белорусский.

Отец и мать утром уезжали в поле, сеяли, убирали хлеб, вечером возвращались. Когда началась война, мне было два года. Папа ушел на фронт, а Краснопавловку заняли немцы. Пока отец воевал, у нас фронт менялся раз семь. Однажды через наше село вели колонны наших пленных солдат. Мама как-то рассказывала, или мне это помнится, что она вынесла нашим чуть ли не последний сухарь, и офицер-немец ударил ее прикладом. Помню, как меня бил ремнем немец, помню, я кричал... Помню, как убегали подальше в степь, когда немцы бомбили железную дорогу — наш дом стоял от нее в 100 метрах. Тогда мы выбегали с мамой — и в поле...

Нам с мамой повезло: папа вернулся с фронта. Пусть раненым, инвалидом, но вернулся. Отец был мастер на все руки, бывает такой талант — и кузнец, и плотник, и краснодеревщик. Печник был знаменитый. В общем, он мог все. Вся округа к нему что-то приносила. А мама работала грузчицей на пункте приема молока (это тогда называлось «молочарка»).

Был у меня старший брат Толя, но, когда ему было одиннадцать, он утонул в пруду. Помню, прибежали дети, сказали отцу, что Толя утонул. Папа меня схватил, посадил на велосипед, помчались на пруд, что находился в километре от дома, но уже было поздно...

Отец у меня был очень строгий, сложный человек. Он был энергичный, очень умелый, хотел, наверное, чтобы я всего быстрее добивался. Я по-хорошему завидовал и гордился его руками. Это трудно себе представить. Он берет кусок железа, разогревает его на примусе и на на-

ковальне делает из этого куска железа хоть петлю, хоть ручку, хоть сапку, хоть лопату... А как он печки клал! Вся округа за 60 километров за ним приезжала... Или он — краснодеревщик: все — двери, рамки, филенки — лучше всех делал. Я гордился, что отец был так талантлив, и старался как можно больше от него перенять, но при этом я понимал, что отец моими успехами не очень доволен, и его любимым сыном по-прежнему оставался мой погибший старший брат Толя.

Главным местом в Краснопавловке была школа, куда дети из соседних сел ходили за 12 километров. Там почти сразу же у меня проявился математический дар.

Сельская школа, в которую я пошел в первый класс в 1946 году, это был просто деревенский дом, обычная изба. В одной комнатухе жила тетя Катя, которая ее убирала, а во второй комнате располагался первый класс. Все очень по-сельски было. Правда, когда пошел в пятый класс, построили уже кирпичную двухэтажную школу с несколькими классами, довольно хорошую. В то время, надо сказать, придавали большое значение школьному образованию.

Впрочем, это совсем не мешало тому, что дети в Краснопавловке всегда работали, кто кем: помогали комбайнерам, пасли скот, убирали свеклу. Я пас коз. А пока они паслись, все лето читал и перечитал почти все книги, какие смог отыскать.

А в 50-е годы XX века вышел знаменитый фильм «Тарзан», и мы, подражая киношному герою, не на лианах, конечно, а на ветках носились по деревьям, иногда не спускаясь на землю целый километр.

Но это было летом. Остальное время года мы учились. Мне математика нравилась: по складу, видимо, дано. Во втором классе, помню, задавали задачки: из пункта А в пункт Б... Там пешеход и велосипедист движутся навстречу друг другу. И спрашивается: через какое время они встретятся? Отец, не зная никаких формул, а просто рисуя линии на земле, решал такие задачки логически и помогал мне.

И с тех пор я по этим задачкам стал виртуозом: мгновенно решал в уме. Приехал как-то инженер из Харькова налаживать у нас мельницу, говорит между делом:

Виктор Садовничий — мальчик
и В. А. Садовничий — профес-
сор со своими родителями, к ко-
торым он приехал в гости.

«Ну, как учишься?» Я говорю, мол, учусь хорошо. «А вот такую задачку решить можешь?» Дал мне какую-то задачку, а я мгновенно ему ответил. Он даже поначалу не поверил...

А настоящую любовь к математике мне привил учитель — выпускник харьковского института Николай Гаврилович Лилитко. Он потом стал очень известен на Украине и даже в России: оказался таким талантом. Жаль, что Николай Гаврилович несколько лет назад ушел из жизни.

Помню такой интересный случай. У нас был перерыв в обучении между пятым и шестым классом: не было учителя математики в селе. Формально занятия вел молодой человек Николай Казаченко, который не был специалистом в математике. Он приходил в класс, сажал меня за свой стол, и я вел уроки. Кстати, он спустя 40 лет появился в Москве, на факультете журналистики работал преподавателем. И мы с ним очень смеялись, когда вспоминали сельскую школу.

А потом приехал Николай Гаврилович Лилитко из Харькова, и мы с ним в Краснопавловке перерешали

весь задачник Моденова, по которому в то время москвичей учили в математических спецшколах. Я ездил на районные олимпиады в восьмом-девятом классах, там побеждал. Районный центр Лозовая был от нас в 30 километрах. Ездили интересно: Николай Гаврилович покупал билет в вагон, а мы, пацаны, как он говорил, «литерные», — на крыше. У нас же билетов не было...

Паспорта в селе тогда не давали, и я, еще не закончив школу, решил по комсомольской путевке поехать на Донбасс работать. Там уже можно было получить паспорт и продолжить образование.

Поехали с друзьями, без билетов, естественно, — на них у нас не было денег, — сели ночью в проходящий поезд и решили ехать до тех пор, пока не увидим холмы терриконов из пустой породы — приметы шахт. Увидев первый террикон, покинули поезд и оказались в Горловке — в донбасском шахтерском городке.

Нас без документов приняли на шахту «Комсомолец» и в десятый класс вечерней школы. За два года, пока я был шахтером, дважды попадал в серьезные аварии, когда взрывался метан и штрек засыпало. Ощущения, надо сказать, яркие...

Шахта была такая, что в ней нельзя было использовать механизмы, только лошадь. Ее опускали в шахту навсегда, она возила вагончики. Работа в шахте была очень тяжела. Приходилось работать на глубине 500 — 600 метров под землей. Горизонт «минус 600» затягивал воздух снаружи, и там было очень холодно, особенно зимой. А на горизонте «минус 500», наоборот, плюс 35 жары и текла вода.

И вот однажды в забое раздался хлопок, и где-то метрах в ста от нас засыпало штрек — выйти нельзя. Ждешь помощи и думаешь, что в любую секунду раздается второй взрыв. В первый раз нас вызволили довольно быстро, а в другой раз было так: наш вход засыпало, а наверху оставался проход. Земля дышит. Вот сидим мы с товарищем и смотрим: камень упал, а в нем килограммов сто. Вроде бы следующий не должен упасть так быстро. Вот в это время мы и проскочили...

В Горловке судьба сводила меня с самыми разными людьми. Это был особый мир, своего рода советский

И чтение лекций, и общение с самыми разными людьми входит в обязанности ректора МГУ.

